

1. Остров

Щуки Варю пугали. Они были хмурыми, насупленными, а из их пастей острыми сталактитами торчали ряды зубов. Сожрут и не заметят.

— Да не бойся, эта уже не укусит, — усмехнулся Андрей. В тишине острова его голос звучал непривычно громко. Варя не могла отвести взгляда от щуки — точнее, того, что от нее осталось. Массивная рыба тушка, местами обглоданная и иссохшая, покоилась в сплетении веток ивы, раскинувшей свои зеленые лапы у самого берега реки Онеги. Варя бы и не заметила мертвые вытаращенные глаза в пышной листве, если бы Андрей не подозвал ее после ужина.

— Нашел тебе кое-что для мяса, — сказал он. В глазах у него сверкали искорки энтузиазма.

— Чего? — не поняла Варя.

— Ну, как вы это в журналистике называете? Чтоб пожирнее было.

— Фактура? — неуверенно предложила Варя.

— Ага! Самое то! Пойдем.

На берегу Онеги стоял зыбкий туман, так и норовящий залезть своими полупрозрачными тонкими пальцами под одежду. Оставив Варю у воды, Андрей пошел на косою самодельный причал, оставил там удочки, любовно огладив их ладонью. Варя

стояла в непонимании и ежилась от холода. Она попыталась поглубже нырнуть носом в теплый ворот своей фиолетовой флиски, но это не помогло. Наконец Андрей двинулся к иве, приподнял ее мощные ветви и рукой поманил к себе Варю. Та неуверенно подошла.

— Вон, глянь! — кивнул он вглубь ветвей.

Варя, нахмурившись, зашарила взглядом по зелени. И вдруг наткнулась на пару мертвых глаз, которые, казалось, смотрели на нее в ответ. Она оцепенела, приоткрыв рот в удивлении, но ничего не смогла произнести. Из ветвей на нее таращилась огромная щука. Ее пасть была разинута, окаймлена белыми острыми зубами, а внутри, укутавшись в веточки и сухие травинки, ютились пестрые птенцы жаворонков. Они негромко попискивали, настороженно глядели на Варю, но с места не двигались.

— Как тебе? — спросил Андрей нетерпеливо.

Варя, стараясь не распугать крошечных птенцов, вышла из-под листьев ивы обратно на берег.

— Как такое могло произойти? — вместо ответа спросила она.

Андрей пожал плечами.

— Может, щука выпрыгнула из воды за добычей, — сказал он. — Они, знаешь ли, довольно высоко прыгают. Хищники все-таки. А может, это нечисть в нее вселилась — и как прыгнет! Но, скорее всего, просто кто-то ее выловил и оставил тут, а птички приватизировали. Такой круговорот жизни и смерти.

— Но на острове никого, кроме нас, нет. Нечисть, я думаю, тут тоже не водится, — скептическиотреагировала Варя.

— Не скажи, — пожал плечами Андрей. Варя вопросительно приподняла брови, но Андрей уже направился обратно к причалу, где лежали удочки: здесь еду нужно было поймать самостоятельно.

Варя проводила его взглядом: вот он забирается на причал, а тот качается на странных речных волнах. Варя вообще не думала, что так бывает, но Онега жила своей свободной жизнью и разгоняла волны, даже когда день стоял тихий и безлодочный. «Дитя асфальта», — сказал бы папа в ответ на Варино удивление деревенской жизнью и был бы прав. Варя — городская девчонка от и до. Но папы больше не было, и ничего сказать он не мог.

Андрей тем временем уже умело забросил удочку в воду и замер на краю причала, пока поплавок мелькал оранжевой вспышкой вдалеке.

— Ну, я пойду, — сказала Варя в спину Андрею. Он был невысокий и худощавый, с растрепанными тонкими волосами оттенка настолько невзрачного, что они казались бесцветными. На нем были извечные резиновые сапоги и камуфляжная куртка — заношенная и застиранная будто в этих же самых онежских водах.

— А? — рассеянно отозвался он, уже погруженный в рыбалку, и обернулся через плечо. — А! Иди-иди, не пугай мне рыбу.

Варя кивнула, поджав губы, и, развернувшись на пятках, двинулась прочь с берега. Рыхловатый и влажный песок под ногами закончился спустя буквально несколько шагов, и Варя ступила на хорошо протоптанную узкую тропинку через поле. За пару дней на острове, объятom рукавами реки Онеги, эта тропинка уже стала привычной: смарт-часы на запястье показывали ровно один километр от воды до «малой цивилизации». «Большой» Варя это называть не решалась, да и само слово «цивилизация» звучало громко.

На острове, куда она приехала — точнее, приплыла, — чтобы работать над материалом для медиа «Луч» про восстановление деревянных церквей Русского Севера, жизни не было. Зачем там тогда восстанавливать церковь, Варя не очень понимала,

но Андрей — рыбак из Большого Бора, поселка на берегу Онеги, чей телефон ей дали волонтеры, — верил: если восстановить церковь, может, и жизнь появится. В его уверенной речи еще мелькало слово «градообразующий», явно вычитанное из завезенных волонтерами книжек по урбанистике, но Варе всегда казалось, что это больше про заводы и всякие креативные кластеры. В Москве она была равнодушна к церквям и замечала белые стены и цветные купола, только если при них вдруг открывались новомодные православные кофейни. Ее всегда забавляло, как, если покупаешь там кофе, сообщение о списании денег от банка приходит с припиской «пожертвование». Плюс одно доброе дело за сегодня, отстраненно думала она обычно.

Но это было в Москве — кажется, уже давно и неправда. В деревне Мондино на острове обстановка ничем не напоми-

нала Москву. Семь домиков: в одном из них, самом обжитом волонтерами за годы экспедиций, поселились Варя с художницей Машей Ивик — та как раз приехала писать иконы в церкви; в другом, поскромнее и поменьше, — Андрей со своим нескончаемым набором удочек и походным рюкзаком. Домики были старые — начала прошлого века, как объяснил Андрей, когда они только оказались на острове.

— И они все еще не развалились? — спросила тогда Варя удивленно, поправляя лямки рюкзака.

— Мертвые дома долго не падают, — ответил Андрей, пожимая плечами. Варя не нашлась, что сказать.

Что-то эдакое Андрей вообще говорил часто. Наверное, другой бэкграунд, рассуждала она и старалась не заикливаться. Получалось плохо. По ночам в попытках заснуть она вертелась сама и вертела в голове все странные фразы, что говорил Андрей за день, препарировала их, как несчастную лягушку, расковыривала на слова, слог и звуки. Потаенный смысл упорно не находился, и Варя продолжала делать ментальные заметки о каждом диалоге, который у нее случался с рыбаком.

Домики тонули в полях фиолетового иван-чая. Чуть дальше была церковь — покосившаяся громадина; кажется, чуть тронь неправильную балку — развалится. Эти церкви на Русском Севере, среди просторов полей и лесов, которые не охватить взглядом, казались Варе маяками посреди взбалмошных морских волн, только вместо волн — высоченная трава, цветные всполохи полевых цветов и в отдалении обязательно угрюмые хвойные леса. На острове лес тоже был, но малая цивилизация Вари ограничивалась парой километров от берега Онеги до волонтерских домиков. Дальше ходить было страшно, да и не нужно.

На пороге церкви Варя остановилась. Ступени были высокие и скрипучие, кое-где их подновили свежей древесиной, слишком светлой и гладкой — она выбивалась из основного темного массива церкви. Навес над порогом тоже был кривоватый — под стать шатровой восьмигранной колокольне, которая, как корона, высилась над церковью и уходила в тяжелое серое небо. Все наперекосьяк, думала Варя, но во всем этом была какая-то настоящность, которую она редко видела в вылизанных пределах МКАДа. Папе бы тут понравилось, решила она, прикрыв глаза и утопая в тишине вокруг. От этой мысли к горлу подступили слезы, и Варя сжала челюсти и покачала головой.

Тишина не была долгой — совсем скоро по двускатной крыше над порогом забарабанил дождь, и Варя быстро нырнула в потемки церкви. Та была классической корабельной формы: колокольня, трапезная, алтарное пространство. Внутри было темно и тихо, только голуби курлыкали и вили гнезда ближе к хорам и куполу.

— Маш? — позвала Варя, на цыпочках ступая по скрипучим и кое-где просевшим доскам. — Ты тут?

Под ногами хрустело: то ли облупившаяся краска, то ли еще какой строительный мусор вроде старого рубероида с крыши, который никто из предыдущих и уже уехавших волонтерских экспедиций не удосужился убрать. Варя на пару с Машей тоже не собирались этим заниматься — они тут, конечно, по работе, но по другой. Варя пересекла трапезную, по которой летала пыль, заметная даже в тусклом свете окон по бокам, и переступила порог нефа.

— Кхм-кхм, — громко откашлялась она, пытаясь привлечь внимание Маши. Та сидела у деревянного мольберта спиной к Варе, окруженная электрическим светом, дрожащим

и изредка мигающим в полутьме. Солнечные батареи, которые питали лампы, фонари и аккумуляторы, давно бы следовало зарядить как следует, но солнце не выглядывало из-за облаков целый день, и лампы заряжались чересчур медленно.

В мерцающем свете Маша казалась Варя иконописцем на полях средневековых рукописей, только в современной интерпретации: ее кудрявые медные волосы торчали в разные стороны, едва сдерживаемые заколкой на затылке и массивными наушниками, из которых неразборчиво мурлыкала музыка, а сама она сидела в позе кровати, невысшим образом подогнув под себя ноги. «Мне так удобнее», — сказала она, пожав плечами, когда Варя впервые увидела ее за работой. «А спина?» — «Чего только не сделаешь ради искусства». Уточнить, что ради искусства она сама бы вообще ничего не сделала, Варя не стала — только брови приподняла.

— Эй! — Варя аккуратно тронула Машу за плечо. Та вздрогнула от неожиданности и, сдвинув наушник с одного уха, повернулась. — У тебя еще не сдох телефон?

— Йоу, — отозвалась Маша. — Не, не ссы, у меня с собой пауэрбанк больше, чем трусов.

Варя коротко хмыкнула и покачала головой. Пауэрбанки в этой командировке и правда были на вес золота.

— Как оно?

— Да пишу вон потихоньку. Темно только ужасно! Если завтра не прояснится, буду, видимо, опять в потемках корячиться, — поморщилась Маша. — А текстик твой как?

— Скучаю по ноуту, — вздохнула Варя. — В заметках и от руки, конечно, вообще не приколот писать.

— Как в старые добрые, чего ты! Хоть не при свечах, и на том спасибо.

— У тебя удивительно низкая планка.

— Была бы высокая, я бы с Бали на фрилансе работала, — усмехнулась Маша и отложила кисть на подрамник мольберта. — А не вот это все. Но признай, что свой вайб тут есть!

— На тоненького, но допустим, — вяло согласилась Варя.

Маша улыбнулась ей уголком губ и посмотрела на плотный лист, небрежно пришпиленный кнопками к мольберту. Варя проследила за ее взглядом. Все эти дни Маша корпела над списком с иконы «Иоанн Предтеча — Ангел пустыни». Оригинал когда-то давно располагался на иконостасе в Мондине, но потом его забрала эрмитажная экспедиция — то ли из желания спасти из разрушающейся церкви, то ли для музейной коллекции. Оригинал волонтерам, конечно, не отдали, но сделать список никто не запрещал — а заодно попросить художников помочь с консервацией росписей на деревянных панелях внутри церкви. На листе Маши уже зеленели драпировки одежд Иоанна, то тут, то там были натканы кустики на фоне.

— Красиво? — спросила вдруг Маша, поймав взгляд Вари.

— Похоже, — кивнула Варя на небольшое изображение оригинальной иконы, распечатанное на принтере и висевшее сбоку на мольберте. — Все еще не понимаю, зачем мучиться и рисовать это все тут, если можно в Москве, в комфорте.

— Да и текст ты бы могла написать в Москве, в комфорте, не? — иронично спросила Маша.

— Для текста нужна фактура, — пожалала плечами Варя. — Пространство, атмосфера, понимание инфраструктуры тут, на острове.

— Точнее, ее отсутствия, — поправила Маша.

— Ну да.

— Ну вот мы с тобой и собираем. Ты фактуру, я атмосферу. Масштабы алтаря тоже хорошо вживую оценить, хотя

муторно это все, не спорю. Но мне хотя бы особо не надо общаться с этим...

Варя нахмурилась:

— С Андреем?

— Ага, — кивнула Маша. Варя вопросительно изогнула бровь. — Да странный он какой-то. Иногда как ляпнет чего, я потом полдня пишу и думаю: это он просто деревенский, или поехавший, или взаправду тут чертовщина какая-то?

— Какая чертовщина? Тут церковь. — Варя обвела руками пространство. — Хотя в тишине и без интернетов у меня тоже немного того... Крыша если не едет, то подтекает чутка точно.

Маша рассмеялась. Ее смех пронесся по полупустому пространству и разбился под куполом, ненадолго зависнув там эхом.

— Он мне сейчас шуку показал на берегу, — продолжила Варя. — Мертвую. Из нее птицы гнездо сделали, представляешь? И она вот лежит, разлагается в ветках ивы, а глаза у нее мертвые и сухие. А птицам нормально. Домик новый. Андрей сказал, это мне для фактуры. А я эту проклятую шуку развидеть теперь не могу.

Маша обеспокоенно оглядела Варю.

— Треш, конечно. Меня, видимо, господь уберег. — Она обвела взглядом пространство церкви. — Ладно, давай закругляться на сегодня. Время православного сна.

Маша бодро вскочила с неустойчивого стульчика, промыла кисти в стеклянной банке, на которой еще угадывалась наклейка с надписью «Дядя Ваня», оставила их сушиться. В ее дерганных перемещениях Варя видела еще и городская суета: быстрые, рваные движения, бегающий взгляд, будто залитый парой-тройкой слишком крепких дрип-пакетов с кофе, шептуньи пальцы, перебирающие по невидимому сенсорному экрану. Варя и сама

была такой, но за несколько дней на острове через силу старалась себя замедлить, примерить эту оболочку спокойствия в глуши, которая так шла Андрею и так нелепо смотрелась на них с Машей.

Тяжелее всего оказалось не проверять телефон каждые пять минут. Они, конечно, набрали пауэрбанков с лихвой, но смысла в них почти не было: связь ловила только на колокольне, а карабкаться туда в одиночку и в темноте не стоило, волонтеры так и не достроили перила за весенне-летнюю вылазку, первую в этом году.

— Погнали? — прервала Маша Варины мысли.

— Погнали.

Маша щелкнула выключателем, и звук электричества, такой непривычный и неподходящий островному безмолвию, смолк. Варя вздохнула с облегчением. Если что ее и бесило в цивилизации, так это электрический шум — она слышала его повсюду и всегда, в тишине и в бурлении звуков в городе. Он был назойливой мошкой, которая летает над ухом и которую невозможно пришибить ни с первой, ни с пятой попытки: уж больно она ловка и незаметна.

Дождь на улице все еще накрапывал, но хотя бы лить как из ведра перестал. Маша натянула капюшон цветастой толстовки на макушку, и Варя пожалела, что в ее флиске такие технологии не предусмотрены. По неровной узкой тропинке в высокой траве они шли след в след, не говоря ни слова. Варя чувствовала, как влага с неба и с зелени вокруг оседает на ее одежде крошечными капельками.

Ощущение сырости на острове вообще было непрекращающимся — Варю до сих пор передергивало, когда она вспоминала, как они впервые зашли в волонтерский дом. Он был чуть более обжитой, чем все остальные мертвые строения, но

большую часть года пустовал. Воздух внутри него был затхлый, застоявшийся, а сырость, кажется, настолько плотно проникла во все ткани — тяжелые шторы, старые советские покрывала на пружинистых кроватях, полотенца у печки, — что от нее не вышло бы избавиться, даже если прожить в этом доме месяц и регулярно топить старинную печку. Постепенно Варя если не смирилась, то привыкла. Сейчас ей казалось, что она и сама сырая, пропитанная влажной седой пылью и туманным паром. Она как никогда явственно чувствовала, что ее тело — настоящее и плотное, а не кукольный манекен, вечно спешащий по делам, но это новое самоощущение давалось ей тяжело.

— О, девчат! — вдруг послышался голос Андрея, и Варя от неожиданности врезалась в спину Маши, которая шла впереди.

— Здравсьте, — с натянутой улыбкой отозвалась Маша. Она повернулась к Варе и, взяв ее за плечи, выставила перед собой. Общение с Андреем явно не входило в ее планы.

— Как рыбалка? — спросила Варя вежливо.

— Да вон, смотрите. — Андрей кивнул на железное ведро у кострища. — Поймал нам красноперок на ночной перекус. Мелкие, заразы, но их в Онеге полно.

Варя закивала головой.

— Супер, спасибо, Андрей. — Выдавливает из себя энтузиазм было непросто. — Мы, наверное, сначала в баньку, а потом займемся рыбами.

— Как знаете, — пожал плечами тот. — Постарайтесь по ночам не шастать, лады?

Варя с Машей синхронно кивнули, провожая Андрея взглядом, пока тот не скрылся за высокими ветками рябины. Потом девчонки переглянулись.

— Почему у нас нет никого, кто бы занимался едой? — заныла Маша.

— Потому что бюджет «Луча» не предполагает расходов на повара, — резонно ответила Варя. — Пойдем, еще баню топить.

Маша разочарованно выдохнула.

Топить баню Андрей научил их в первый день на острове. Это оказалось на удивление умиротворяющим занятием: чем больше Варя делала что-то руками, занималась физическим трудом, а не умственным, как в городе, тем сильнее она ощущала, как замедляются мысли. Сначала ее это пугало — не глупеет ли, думала она. Потом стало легче: текст для материала все так же струился через ее пальцы, а в перерывах мысли были четче, сама же она была сосредоточеннее — могла сфокусироваться на одном деле, а не расплыться на тысячу разных.

Когда ей хотелось отвлечься от работы, она бродила от дома до церкви, где была Маша, а потом искала Андрея, который всегда находил себе занятие на этом богом забытом острове. Иногда она помогала: за пару дней Андрей научил ее колоть дрова и чистить рыбу, хотя второе все еще казалось мерзким до дрожи. Изредка они курили с Машей на пороге церкви и болтали не о работе — такую роскошь в Москве Варя было тяжело представить. Даже несколько дней на Севере казались отдельной осознанной жизнью, а не бегом между рабочими задачами и встречами, на которых приходилось соревноваться в смол-токах.

— Устала как мразь, — выдохнула Маша, когда они, завернутые в полотенца, наконец плюхнулись на лавки в растопленной бане. — Фух.

— Не говори, — согласилась Варя, прикрыв глаза.

Какое-то время они молчали, откися после напряженного дня. Варя облокотилась затылком о деревянную стену бани, которую они с Машей скрупулезно отмывали от пыли и времени по приезде — точнее, приплыве — на остров, и медленно вдыхала горячий воздух. В бане она тоже чувствовала себя сырой, но приятно отогретой от северной промерзлости. Маша методично хрустела своей многострадальной спиной так, что Варя даже пару раз поморщилась и пробормотала:

— Не сломайся.

Маша хихикнула, но свою акробатику продолжила. Варя расслабленно улыбнулась и покачала головой, а потом внимательно оглядела Машу.

— Зачем тебе это все? — спросила она вдруг.

— М-м? — не поняла Маша.

— Ну, зачем тебе этот Север, иконы эти? — уточнила Варя. — Почему ты это делаешь?

— Ты это сейчас как журналистка спрашиваешь или как человек?

Варя хмыкнула:

— А журналисты что, не люди?

— Смотря какие журналисты, — протянула Маша многозначительно.

— И то верно. Ну так и?

Выдержав драматичную паузу, Маша ответила:

— За фурри на бусты платят недостаточно.

Варя громко рассмеялась, настолько неожиданным был ответ Маши.

— А за иконы достаточно? — все еще посмеиваясь, спросила она.

— А за иконы еще социальным одобрением доплачивают. Хватает, чтобы сбалансировать фурри, — улыбнулась Маша.

Варя цокнула языком и закатила глаза.

— А сама-то? Ни за что не поверю, что ты укатила через две избы, через три пи... ну ты поняла... ради некой высшей журналистской цели.

— Я не похожа на человека, у которого есть высшая журналистская цель и который может выжить без московских удобств? — возмутилась Варя, но в голосе ее все еще слышались отзвуки смеха.

— По тебе похоже, что ты фанатка кофеен третьей волны, а еще хронически онлайн.

— Грубо.

— А что, неправда?

Варя замялась.

— Чистая правда, — согласилась она негромко и победно развела руками.

— Все-таки тянет тебя в глушь что-то кроме работы, — сказала Маша. — Но пока не понимаю что.

— Не надо меня разгадывать, — предупредила Варя.

— Я все равно попытаюсь, — весело ответила Маша. — Не буду же я черт знает сколько молча и безвылазно писать иконы на карачках.

Варя покачала головой. Как сформулировать, зачем ей Север, она не понимала, но Маша была человеком новым, а с незнакомцами подсознательно было проще делиться сокровенным и важным. Даже если совсем чуть-чуть, полируя и сглаживая острые и грустные углы.

Маша поддерживающе кивнула, чуть подалась вперед, опираясь ладонями о лавку. Варя вздохнула, отвела взгляд.

— Папа любил Север, — сказала она тихо. — Мечтал в старости купить домик в лесу, коз завести, вот это все. Рассказывал мне всегда, что настоящий покой можно только на Севере най-

ти, ни в каком городе такого нет. Атлантида Русского Севера. Он... умер от рака четыре года назад.

Варя опустила голову. Говорить о папе все еще было больно, и она не верила, что однажды может стать легче. Эта рана была разодранной и кровоточащей, она иногда покрывалась корочкой новой кожи — бордовой, грубой и непривычно толстой, — но Варя ожесточенно ее сдирала. Ей думалось, что жить, как прежде, когда папа был рядом, не получится, но она и не хотела так жить. Тяжело жить без куска сердца.

— Извини, — прошептала Маша виновато. — Я не знала.

Варя пожала плечами и шмыгнула носом. Когда папа умер, она даже не всем друзьям рассказала — просто постепенно сократила с ними общение. Казалось, что, если она впустит эту смерть в свою повседневную жизнь, назовет ее по имени, уже не получится притворяться, будто папа жив и это все какая-то нелепая случайность, жестокая шутка или дурацкий путь героя. Варя до сих пор не до конца верила, что папина смерть вообще реальна: все же было хорошо, правда? Жили как жили, и ничто не предвещало. А потом вдруг — внезапные боли, вызов скорой, врачи, два месяца и смерть. И все. Варя и осознать не успела, что происходит. Как можно настолько быстро отпустить человека?

Новым людям она тоже часто врала, рассказывая о папе в настоящем времени вместо прошедшего, хотя и чувствовала неприятный укол совести под ребрами. Соврать Маше у нее не возникло и мысли: та с самого их знакомства в поезде показалась Варе честной — иногда даже слишком — и открытой. Хотелось ответить тем же — правдой за правду, небольшой игрой в секреты. Да и остров виделся Варе местом вне времени и пространства: уж больно он отличался от всего, что она знала. А все, что происходит на острове, остается

на острове, так что и рассказывать личное было чуть менее страшно.

— Давай-ка перекурим с тобой, а? — предложила Маша, вставая с лавки и придерживая полотенце у груди. Кончики ее медных волос были влажными.

Варя кивнула и тоже встала. Темный предбанник, прохладный и крошечный, освещали несколько свечей на медном подносе, но привычного банного уюта в нем не было. По углам были навалены разные вещи, старые стулья — местами без ножек, потрепанные, — пыльная кухонная утварь и тряпки. В предбаннике Варя с Машей ни к чему не прикасались, оставили все как есть. В старых домах, в которых сохранились вещи от предыдущих хозяев, всегда казалось, будто ты в гостях, — не надо ничего трогать и выбрасывать, тебе это не принадлежит. Неважно, что хозяева больше никогда не объявятся. Вещи замерли в бесконечном ожидании их возвращения.

Маша взяла с лавки свою толстовку, вытащила из кармана коричневую пачку «чапмэна» и зажигалку и поманила Варю к выходу кивком. Одеваться они не стали: все равно никого, кроме них, на острове не было — волонтеры разъехались за неделю до их командировки, а Андрей около бани не ошивался, когда они ее занимали. На улице было непривычно светло, хотя по Вариным ощущениям уже давно должно было стемнеть. Белые ночи, сказал Андрей, как только они приехали. Не петербургские — по-настоящему северные. Время пролетало быстро, но без четкого деления дни и ночи сливались в одно и Варя казалось, что все это — один бесконечно длинный день, который тянется и тянется, не заканчиваясь.

Пока Маша ковырялась с пачкой сигарет, одновременно стараясь удержать на себе полотенце, Варя облокотилась о перила веранды, всматриваясь вдаль. На Онегу опустился

уже привычный туман, а небо казалось почти бесцветным из-за облачности. Было слышно, как шумит вода, как ветер мягко треплет ветви деревьев на берегу.

Из всех построек на острове баня стояла ближе всего к реке. «Это чтоб потом окунуться, — объяснил Андрей. — Но вы, пожалуйста, обойдитесь без этого. Еще вылавливать вас».

— Держи. — Маша протянула Варя уже прикуренную сигарету. Варя с благодарностью приняла ее и затянулась. В городе она курила реже: пачка улетала за неделю. Перед поездкой на остров они с Машей синхронно тупанули, решив, что трех пачек на двоих им хватит, поэтому уже на второй день сигареты стали роскошью.

— Не узнавала, что там в мире делается? — спросила Маша. Варя покачала головой.

— Сегодня нет, — ответила она. Засветло до колокольни Варя сегодня не добралась — утонула в работе над текстом, — а сейчас уже было бессмысленно туда карабкаться. — Вчера с трудом отправила Вове-редактору пару фоток и кусок текста. Он спросил, живы ли мы.

— А ты чего?

— А у меня потом интернет упал. Так что вопрос, живы ли мы, пока остался без ответа, — равнодушно пожала плечами Варя.

— Ну лично я пока жива, — хмыкнула Маша. — А ты?

Вместо ответа Варя затянулась сигаретой, дернув бровью. Иногда ей казалось, что она умерла вместе с папой, а время после его смерти идет по инерции. Она не знала, как строить свою жизнь без него. Папа всегда был константой, неизменно поддерживал все ее глупости, максималистские журналистские изыскания, был лучшим другом, которому можно было поведать все секреты и страхи.

Когда он умер, Варя осталась одна. Была, конечно, мама, но та погрузилась в свое собственное горе и, как поддержать дочь, понятия не имела. Варя в ответ не знала, как поддержать мать. Одинокие в своем горе, они в итоге разбежались: Варя не вынесла еще и ее скорби и срулила сначала в университетскую общагу, а потом на съемную однушку на «Академической», предсказуемо окружившую ее коконом одиночества еще больше.

Иногда она думала: ну не должно же настолько ломать, правда? Люди живут без родителей. Люди живут без отцов. Родители рано или поздно умирают, потому что таков порядок вещей: это дети должны хоронить родителей, а не наоборот. Варю это бесило. Она хотела провести с папой больше, чем двадцать один год. Как он мог так рано ее бросить?

— Слышь, Варь, — вдруг толкнула ее в плечо Маша. Варя промычала в ответ что-то невразумительное, украдкой вытирая навернувшиеся на глаза слезы и шмыгая носом. — Пойдем окунемся.

— Андрей просил не купаться по ночам, — сразу отвергла она эту идею, цепляясь за рациональность.

— Ну, еще не такая уж и ночь. Да и Андрей нам что, нянька? — возмутилась Маша, туша сигарету о самодельную пепельницу-банку и ловко закидывая внутрь окурочек.

— На острове, наверное, все-таки да.

Маша скептически окинула ее взглядом. Идея купания гольшом ее явно не отпускала.

— Ну пойдём, — взмолилась она. — Ничего не будет. Мы быстренько! Одна нога тут, другая там. Потом догреемся в баньке и пойдём жрать этих... как их... красноперок.

Варя поймала взгляд Маши. Та смотрела на нее огромными жалостливыми глазами, сведя брови, без слов уговаривая

на эту авантюру. В Варя всколыхнулся почти забытый азарт. Облажаться, когда папа был жив, было не страшно, ведь, если что-то пойдет не так, было к кому прийти поплакаться. Сейчас ее могли утешить только зубастые щуки в Онеге и едва знакомая художница Маша, писавшая на холсте в церкви зеленые одежды Иоанна. Варя набрала воздуха в легкие, чтобы уже окончательно отказаться, но вдруг передумала:

— Ладно. Только быстро.

Уже ради улыбки, озарившей не только лицо Маши, но и, казалось, весь погруженный в северную белую ночь остров, стоило согласиться. Босиком они спустились по деревянным ступенькам бани и в несколько шагов оказались на берегу. Белая ночь вокруг была серой и прохладной до мурашек, а песок — влажным, проваливающимся под ногами. Светлыми пятнами по водной глади полз туман, едва заметный без лунного света. Туман на Севере — частый гость, но такого плотного Варя никогда не видела. Она все гадала: можно ли его потрогать, если подойти достаточно близко? Пока не удавалось.

Вода омыла ноги, и Варя невольно зашипела от холода. Какая же глупая идея, думала она, снимая полотенце и оставляя его на берегу вслед за Машей. Та уже с плеском вбежала в воду, коротко взвизгнув — температура совсем не годилась для купания голышом, — и плескалась на поверхности. Варя вошла в реку медленно, задержав дыхание. Вода ледяными иголками покалывала ее кожу.

Оказавшись по плечи в воде, Варя судорожно выдохнула и огляделась. Это не было похоже на ночное купание в море. Речная масса была совсем другой — она не сливалась с небесным горизонтом, не шумела призывно волнами. Онега была тонкой девицей, одетой в массивные кроны деревьев, которые близко-близко склонялись к ее берегам. Она журчала звонко

и мелодично, звала окунуться с головой. Варя проплыла пару метров, растворяясь в холодной воде, привыкая к ней. Без одежды она чувствовала себя одним целым с рекой, такой же гибкой и плавной.

Что-то задело ее ногу. Варя дернулась в толще воды. Изнутри река звучала иначе, не так, как с берега. Повсюду были шепотки и тихое бормотание наперебой, будто кто-то слишком громко включил подкаст в наушниках. Варя попыталась вслушаться в речное разноголосье, но слов разобрать не смогла. В ушах шумело. Воображаемые рыбки-мальки, эти тревожные шепутные существа, которые поселились в грудной клетке у Вари с той самой минуты, как она впервые оказалась на острове, засуетились, забились о ребра.

С трудом Варя нашла взглядом Машу. Ее силуэт сливался с темными водами реки.

— Давай обратно! — почти прокричала ей Варя хрипло. — Маш!

Не дожидаясь ответа, Варя направилась к берегу, нащупала ногами дно и наконец ступила на него, пока течение продолжало ее качать и заманивать в свои воды. Краем глаза она заметила, что Маша следует за ней, и выдохнула с облегчением. На берегу она тут же схватилась за полотенце, обтерлась как следует и завернулась в него, безуспешно пытаясь согреться. Зубы стучали, пальцы ног сводило от холода.

— Кайф! — послышался звонкий голос Маши. — Надо почаще так закаляться после бани.

Варя посмотрела на Машу скептически, хотя была уверена, что впотьмах та вряд ли разглядит неодобрение на ее лице.

— Ну, пойдём! — сказала Маша и махнула рукой в сторону бани, в окна которой едва различим был свет догорающих свечей.

Шагнув за Машей, Варя вдруг запнулась. Ногу кольнуло. Она поморщилась и обиженно пнула рыхлый песок — в нем вдруг на секунду что-то блеснуло. Будто шпилька или зубцы, показалось Варе. Она нагнулась и запустила руку в песок. Пальцы наткнулись на нечто гладкое и острое, и Варя ухватилась за предмет, ощупывая его края. Нет, не шпилька. На ладони у нее лежал гребень странной формы, похожий на скелет рыбешки с толстыми острыми костями.

За Вариной спиной послышался плеск воды. В онежском течении на секунду мелькнул длинный чешуйчатый хвост.

2. Гребень

— Девчат, ну вы дурочки, что ли? Что за самодеятельность?

Андрей возмущался до глубокой ночи, пока они в три пары рук чистили красноперок в рыжем свете костра, а потом еще все утро, пока Варя заваривала самые крепкие дрипы из своего походного набора. Бока чайника, исходящего паром, были усеяны вмятинами и покрыты копотью, оставшейся после кипячения воды на костре. Все свое внимание Варя сосредоточила на этом побитом жизнью чайнике, чтобы ее не захлестнули волны недовольства, которые так и лились из Андрея.

— Ну я же вас просил обойтись без купаний, тем более по ночам. А если вы заболете? Или вас унесет течением? Или... — Он сбился. — Еще чего?

— Ничего ж не произошло, — с набитым ртом ответила Маша. С утра они, сонные, с полузакрытыми глазами, успели намутить овсянку с вялеными томатами из банки. На свежем воздухе хотелось есть чаще, чем в городе, где Варе хватало одной доставки в день и перекусов.

— Но могло! — продолжал Андрей сердито. — Это вам не Москва-река. Онага и утащить может, если не найти к ней подход.

Варя поймала взгляд Маши — та скептически подняла брови. На реплику Андрея никто из них не ответил, но чувство вины

и так угадывалось в их угрюмом молчании. Варя отхлебнула кофе.

— Мы больше не будем, — пообещала она, ставя кружку на стол, и натужно улыбнулась. — Сегодня только работаем, а потом отдыхаем. Все. Без банных приколов.

— Даем слово, — поддакнула Маша. Варя увидела, как та скрестила пальцы под кружевной скатертью. Андрей этого не заметил.

Андрей смерил их обеих недоверчивым взглядом.

— Ладно, — смирился он, вставая из-за стола. В руках он все еще держал кружку с кофе. — Я буду у себя в доме. Печку чинить. Кричите, если что. Но лучше просто не затевайте дуростей.

С этими словами он вышел из волонтерского дома, оставив дверь приоткрытой. Варя вздохнула, глядя Андрею вслед и прислушиваясь, как за ним скрипят хлипкие ступеньки.

— Когда дверь — это не дверь? — вдруг нарушила тишину Маша, глядя в пустой дверной проем.

— Чего? — не поняла Варя.

— Загадка такая. Когда дверь — это не дверь?

— Дверь всегда дверь, Маш.

— Неправильно! — с улыбкой ответила Маша. — Когда она приоткрыта.

Варя нахмурилась:

— Бред какой-то. Дверь сама по себе всегда дверь. Как ее ни открой. Это откуда у тебя такие загадки?

— Да из сериала какого-то. Забей, — ответила Маша небрежно, тут же отламывая кусок свежее испеченного хлеба.

Варя опустила глаза. Загадки, Онега, которая со слов Андрея казалась чуть ли не живым существом, и ночное купание выбили ее из колеи. Как сейчас работать над материалом, она

не представляла. Все мысли были о гребне-косточке, который с ночи укромно лежал у нее под подушкой, окутывая наволочку едким запахом тины. Полночи Варя ворочалась, то проваливаясь в зыбкий сон, то из него выпадая. Ей все чудился звук речного течения, который, казалось, просачивался через плотную подушку.

Рука машинально потянулась к телефону, лежащему на столе: хотелось успокоить суетливые мысли не менее суетливым думскроллингом в соцсетях. На полпути Варя замерла и разочарованно вздохнула: совсем забыла, что ни мобильной сети, ни интернета на острове почти не водилось. Она и сама не знала, зачем держала телефон включенным — дурацкая городская привычка.

— Ну, я тоже побежала, меня Иоанн заждался, — подмигнула Маша, вставая из-за стола и громко шаркая ножками табуретки по полу. На секунду она задумалась, а потом все-таки прихватила с тарелки еще ломтик хлеба и бодро умотала из дома. Варя осталась одна.

К десяти утра дом остывал и погружался в тишину. Он замирал в уединении, и Варю накрывало им, как колпаком, что бы она ни делала. Тишина в доме была живая, и Варя подолгу вслушивалась в нее. Она проводила параллели между домом и своей съемной квартирой в Москве. Северный дом-громадина скрипел половицами и шебуршал редкими мышками в подполе, куда они с Машей не рисковали лазить. Брусовый каркас скрежетал от ветра, который просачивался в окна и приоткрытую дверь-не-дверь. Варя не выдержала, сорвалась с места и плотно закрыла ее, для верности дернула вниз щеколду. Потом прислонилась лбом к сырому дереву и прикрыла глаза. В ушах звенело речное течение.

Громко вздохнув, Варя отпрянула от двери и развернулась. Дом снова смолк, как и фантомное течение в Вариных ушных раковинах. Она помотала головой в разные стороны, чтобы окончательно избавиться от речного морока, и решительно направилась к тяжелому дубовому столу, за которым работала. Тот стоял у окна в захлавленной комнате с покатым полом: медленно, но верно дом уходил под землю, а та поедала его как самое сочное лакомство, откусывая с одной стороны — там, где как раз располагалась комната. Варя явственно представила, как земляная пасть раскрывается, бурлит и пенится коричневой слюной, скрежещет зубами-пнями, а потом схлопывается, забирая с собой последние остатки цивилизации на этом богом забытом острове. Нет, нельзя опять в этом тонуть, подумала Варя. Надо работать. Работа — единственное, в чем был смысл последние несколько лет, хоть и с натяжкой.

Варя опустила на стул и сгребла в кучу вещички: рукописные заметки на разрозненных помятых листах, блокноты, несколько ручек. Одна из них в первый же день растеклась синими чернилами, которые все никак не отмывались от ладоней, придавая коже какую-то жуткую мертвенную синюшность. В последнюю очередь Варя выложила на стол телефон — тот грустно моргнул от едва заметного прикосновения к экрану и снова потух.

Варя бегло оглядела заметки в блокноте. В нем от руки коярвым почерком было выведено: «Деревня Мондино располагается на так называемом острове, образованном рукавами реки Онега», «Заостровье — так называли правый берег Онеги» — и чуть ниже: «Главный престол церкви был освящен в 1885 1888 году (карандашом: фактчекнуть)». Как-то бездушно, подумала Варя. Понятно, что это исторические сноски, но как будто сердца не хватает. Да где ж его возьмешь?

Работа с буквами Варя обычно удавалась. Это было тем мостиком к нормальности, за который Варя цеплялась, когда чувствовала себя отвратно, не могла встать с кровати и хотела только плакать и бездумно смотреть в стену. Буквы выручали, обнимали своими чернильными ручками, даже если эти ручки были электронными и ноутбучными, а не буквально чернильными. Тонуть в работе, буквах и делах Варя нравилось, но в городе это получалось естественнее, чем тут, на острове. Остров заставлял смотреть вглубь себя, а не в буквы, даже если делал это ненамеренно.

Папа всегда говорил Варя: важно уметь быть одной. Важно не ехать крышей, когда ты одна.

Варя ехала крышей.

Она крепко сжала челюсть, обзлившись на саму себя. Почему ее все в этой жизни выбивает из колеи? Тихон часто говорил ей: не принимай так близко к сердцу. Она отшучивалась: да было бы к чему. А сердце, так нелепо и шуточно отброшенное в разговоре, больно екало.

Очередная попытка сосредоточиться на работе и тексте не сработала. Варя развернулась на стуле, уткнулась подбородком в его резную фигурную спинку и оглядела комнату. Как будто сползая по покатоному полу, у стены стояла кровать, которую Варя застолбила в первый же день. Над ней висел ковер с оленями на водопое: тонкое плетение, выцветшие краски, поеденная молью тусклая голубая бахрома, в которой Варя путалась пальцами, когда ложилась спать и отворачивалась к стенке. В этом ковре было что-то неуловимо знакомое: кажется, у каждой второй семьи хотя бы на даче, но был — или все еще есть — такой ковер с оленями. Варя

сразу на него купилась: в Калязине, в старом бабушкином доме на берегу Волги, куда они ездили вместе с родителями, тоже был такой ковер. У бабушки дома он выглядел чуть лучше и свежее, а этот казался уставшим от жизни, но Варя все равно за него цеплялась как за хоть что-то узнаваемое на одиноком острове среди незнакомых людей, с которыми сколько ни говори, но ближе папы они никогда не станут. А если так, стоит ли вообще пытаться?

Варя в пару шагов преодолела расстояние до кровати и плюхнулась на нее. Она делала так по привычке и каждый раз в последнюю секунду осознавала: эти хрустящие и ржавые пружины в матрасе не терпят такого отношения к себе. Кровать предсказуемо проскрипела, Варя поморщилась в унисон. Прислонилась к деревянной стене, облаченной в ковер с оленями, и раскинула руки в стороны. Старое советское покрывало под ее пальцами ощущалось грубым по текстуре, таким, что можно было почувствовать каждую толстую ниточку и каждое переплетение штампованных узоров. Какое-то время Варя так и сидела, прикрыв глаза.

Бессознательно ее рука потянулась под подушку и нащупала там гребень. На миг Варя замерла, а потом все-таки вытащила его и открыла глаза. При дневном свете он выглядел совсем уж монструозно: острые кости-зубцы, отличающиеся по размеру, под разными углами торчали из костяного основания. Сам гребень помещался в ладонь, но из-за зубцов казался скорее холодным оружием, чем предметом для бьюти-практик. Может, он и не был гребнем, отстраненно думала Варя, замороженно разглядывая вещицу. Его костяная белизна была прикрыта подсохшими водорослями, то тут, то там зеленел мох: он расползлся по зубцам и спинке гребня где-то высохшими узорами, где-то — пушистыми крошечными кустиками.

Варя поднесла гребень совсем близко к глазам, рассматривая его. В нос сразу ударил запах тины, и она резко отпрянула. Запах не исчез. Варю показалось, что запах прилип к ней, вьелся в одежду, в волосы, заплетенные в небрежную косу. Не отдавая себе отчет в том, что делает, Варя положила гребень на колени и медленно расплела косу, провела пятерней по волосам, то ли взлохмачивая, то ли, наоборот, распутывая темные волнистые пряди. Потом взяла в правую руку гребень и провела им сквозь локоны.

Ей почему-то думалось, что гребень застрянет, набредет на колтуны, образовавшиеся после беспокойного сна, поселит в прядях водоросли и мох. Вместо этого гребень хищно блеснул и с удовольствием вгрызся в волосы — так показалось Варю. Она провела гребнем еще пару раз, будто околдованная. Когда она наконец отложила его, тишину дома снова заполнило громкое онежское течение. Она, находившаяся в километре отсюда, будто вышла из берегов и захлестнула дом, погружая его в свои бурные воды.

У Вари закружилась голова. Она, пошатываясь, встала с кровати и, опираясь рукой то о железный каркас, то о дверной косяк, направилась на улицу. В глазах темнело. На крыльце Варя остановилась, пытаясь отдышаться. Течение, поселившееся в доме, мурлыкало все тише. Варя глубоко вздохнула и опустилась на деревянные ступеньки, поджала под себя ноги и уткнулась в колени подбородком. Волосы, не заплетенные в косу, волнами накрыли Варины плечи.

Когда перед глазами перестали плясать черные мошки, Варя приподняла голову, сдувая с глаз длинную челку. Дом был окружен покосившимся забором: местами он почти лежал на земле, и дощечки его торчали ребрами огромного кита, в чреве которого еще теплилась жизнь. Китов в Онеге, конечно, не водилось,

но на острове Варя продолжала подбирать околобиблейские метафоры. Она вздохнула. Ее крутило и вело, как путников на болотах, а из-за пасмурной погоды еще и давление было низким и прибывало к земле — не молодеет, любил говорить Тихон.

«Надо позвонить Тихону», — подумала Варя отрешенно. Она забежала в дом за телефоном и ветровкой, накинула ее на ходу и вылетела в сторону колокольни. Путь через поле она даже не заметила и очнулась уже у деревянной скрипучей лестницы, погруженной в темноту. Наощупь Варя поднялась по ступеням и вышла на восьмиугольную площадку, продуваемую ветром со всех сторон. Перил вокруг не было, и Варя опустилась на пыльные дощечки прямо около двери. Она прислонилась спиной к косяку и наконец достала телефон из кармана.

Дисплей, учуяв полоски связи, как мальки — наживку, бодро засветился уведомлениями. «Посыпались, как прикормка для карася, — подумала Варя, — и я с нее дурею».

— Цивилизация, — довольно прошептала она себе под нос, чувствуя, как фантомное речное течение, захлестнувшее ее в доме, окончательно замолкает.

Пара сообщений от мамы — «Варюш, ты как?» и «Как работается?» — висели без ответа еще с прошлого Вариного подъема на колокольню. Позавчерашнее «Вы там живы?» от редактора Вовы из «Луча», а следом за ним — стикер с вытаращенными тревожными глазами. Тонна пушей из разных приложений, десяток писем на электронной почте, сообщение от «Мегафона» — «Добро пожаловать в Архангельскую область!» — и вот они, самые свежие и последние — сообщения от Тихона в телеграме.

[11.06.2025 9:43] Тиша Ерофеев

ну чего как оно? надеюсь ты хоть кайфуешь
между делом

[11.06.2025 9:45] Тиша Ерофеев

я задолбался работать, но хоть завтра вых —
на тоненького, конечно, но дареному коню
в зубы не смотрят

Варя не сдержала улыбку. С Тихоном они познакомились на посвящении первокурсников в университете. Со своими бритой макушкой и тяжелым взглядом карих глаз из-под густых бровей он выглядел ершисто — Варя тогда даже не сразу поверила, что он с политологии. Эти люди, как ей казалось, должны быть двадцать четыре на семь одеты в костюмы с идеально завязанными галстуками, а в руках держать папки с бумажками — неважно какими, но в Варином воображении это был неотъемлемый атрибут политолога.

Тихон был совсем не такой. Варе думалось, что ничего в жизни он не любил так сильно, как свои старые черные конверсы, местами протертые до дыр: Тихон совсем не умел

расставаться с вещами, даже когда те приходили в негодность. Почти всегда он был одет в черные джоггеры, в кармане которых покоилась нескончаемая пачка сигарет и как минимум две зажигалки с глупыми, смешными надписями, на левом бедре — серебряная цепочка, звенящая при ходьбе, черная кожанка с потрепанными рукавами-резинками, широкие кольца на средних пальцах, которые Тихон постоянно бессознательно крутил. Картину довершал его сломанный и неправильно сросшийся нос. «Сломали в детстве во дворе, в Подольске», — рассказывал Тихон, прищурившись. «Тебе не хватает „приоры“, — шутила Варя. — Заниженной». Тихон смеялся и возводил глаза к небу.

Несмотря на внешний облик, в политологии Тихон шарил знатно, был в первой десятке среди учащихся на курсе и мечтал изменить мир к лучшему. Варя планировала делать то же самое в журналистике, но вышло как вышло. Умер папа, а вместе с ним — вера, что что-то можно изменить. Тихон говорил, что мир тоже немножко умер. Варе было плевать, как там дела у мира. У нее болело разломанное из-за смерти папы сердце.

Выпустившись из университета, Варя через пару стажировок попала в «Луч» и там и осела, а Тихон, закинув красный диплом на дальнюю полку, вписался в айтишные курсы. «Да бессмысленно уже политологией заниматься, — говорил он. — Тебе, кстати, Варюх, журналистикой тоже». Но Варя не знала, что еще делать со своей жизнью, поэтому осталась в «Луче».

[11.06.2025 10:37] Варя Осокина

тиш

наберу?

[11.06.2025 10:37] Тиша Ерофеев

давай

Тихон взял трубку на первом же гудке, и первое, что Варя уловила — стук пальцев по клавиатуре на другом конце фантомного провода.

— Тиш? — нарушила она молчание. — Слышно?

— Варь, привет! — прозвучал голос в трубке. Стук по клавиатуре не прекращался. — Прости, ща доделываю задачку одну, чутка осталось. Но я тебя слушаю и очень рад слышать. Ты как? Как оно?

Варя набрала воздуха в легкие в порыве выпалить что-то вроде «Кажется, у меня едет крыша», но не смогла. В трубке заквакало.

— Тихон? — переспросила она. — Меня точно слышно?

— Ну, булькаешь немножко, но пойдет, — ответил тот как сквозь пузырьки воздуха в водяной толще. — Рассказывай давай, чего там у вас.

Варя тяжело вздохнула. Она не знала, как подступиться к уезжающей крыше и стоило ли вообще это делать. В трубку она жалобно сказала:

— Я хочу обратно в Москву. Тут слишком тихо.

— Может, это и неплохо? — рассудил Тихон, наконец прекратив стучать по клавиатуре. — Отдохнешь хоть. Ты же совсем без отпусков, без выходных.

— Мне так нормально. А тут нечего делать, кроме как работать и сказки слушать.

Тихон хохотнул:

— Так включи сказки в материал. Совмести прикольное с тем, за что тебе деньги платят.